

«Сыграй для больной моей души»

Холодное декабрьское утро за окном. Рассвет. Уже начались появляться огоньки в окнах – шахтеры собираются на работу. Остывший кофе на столе и пара шоколадных печенек в корзинке. Она стоит у окна своей маленькой кухоньки однокомнатной квартирki. «До, до, ре или до, до, ля...Черт...Как же лучше – думала она, стуча пальцами по подоконнику, будто наигрывая мелодию. – Уже рассвет...Боже, даже Мишка проснулся...Храни тебя Господь, чтобы домой здоровым вернулся...Точно...Ми!». Она побежала в комнату, пол которой был засыпан листами партитуры, вместо ковра. «До, до, ми» – повторяли шепотом ее губы, пока руки заполняли нотный стан новой фразой.

Сама по себе квартирка небольшая, но чистая, опрятная и уютная. Совершенно непохожая на квартиры советского типа. Хотя все женщины ее возраста непременно вешали ковер на стену, вместо этого она развесила фотографии-поллароиды, и подолгу могла их разглядывать и рассказывать о каждом человечке на фотографии. Это были ее ученики, и каждый является частичкой ее жизни...ее души. Вместо обоев, стены покрашены в нюдовый цвет, а старый сервант и фарфоровые чашечки заменили навесные полки в стиле лофт, где хранились книги, милые статуэтки и маленькие кактусы.

«Там-там-там...**крещендо**...СТОП!...До, до, ми...арпеджио...» - эмоционально, громко, размахивая руками, повторила она написанное и, закрыв глаза, на мгновение застыла, подняв руки с карандашом и листком вверх. «То, что нужно...пора собираться».

Она подошла к зеркалу, перед ней стояла женщина лет 50-ти, рост которой невозможно было точно определить из-за ее сутулости. Была ли это профессиональная сутулость или результат нелегкой судьбы, сказать невозможно. Своими длинными мозолистыми пальцами, она начала складывать волосы как всегда, в небрежный пучок, оставляя одну волнистую прядь... чтобы никто не увидел. «Наталья Васильевна, Наталья Васильевна, как же Вы постарели» - повторяла женщина, смотря в голубые глаза своего отражения. Парадоксально, но ее отчество отображало цвет ее глаз: Васильевна, как васильки. К зеркалу были прикреплены две фотографии самых важных людей: дочери и покойного мужа, глядя на фото которого она прятала свой шрам у виска той волнистой прядью.

Как-то раз, она рассказывала о своем муже «Любила ли я его? Нет. Но уважала. До сих пор, для меня загадка, как он женился на такой как я. Ведь красотой меня не наделили. А может,

под действием спиртного я и выглядела в его глазах привлекательней. Как бы там ни было, мы прожили 10 лет. Счастливо? Он бил меня. Слава Богу, во время очередного избиения у него остановилось сердце».

Одевшись и сложив листы партитуры в сумку, так бережно, как укладывают спать мамочки своих детей, она вышла из квартиры. На серых улицах улыбка ее не исчезала, хотя по календарю понедельник, а туман переполняет город. По пути она зашла в кофейню за своим любимым, не сильно крепким карамельным латте и имбирными пряниками в виде сердечек. Женщине нравится облизывать пенку со своих губ так же, как это любят делать дети. Живет в ней еще та детская наивность.

Вот и музыкальная школа. Она заходит в свой длинный, но небольшой кабинет, на стенах которого висят многочисленные грамоты учеников, первым делом протирает гитару, настраивает ее и, так для разминки, играет свою любимую - «Брызги шампанского». Музыку прерывает ученица, «Талантище, не менее» - так она ее называла. Только ей она может рассказать о своих переживаниях, успехах и о законченном произведении.

После, откинувшись на спинку стула, робко скажет: «Сыграй для больной моей души».